

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Ф.А. Ермошин

**«ПУСТЬ НЕ СМЕЮТСЯ НАД МНОЙ ЗАРАНЕЕ...»:
АВТОР КАК «СМЕШНОЙ ЧЕЛОВЕК»
В «ДНЕВНИКЕ ПИСАТЕЛЯ»
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО**

В статье рассматривается проблема «смешного» в «Дневнике писателя» Ф.М. Достоевского и его творчестве в целом. Анализируются различные функции мотива смеха аудитории в этом издании (в сопоставлении с тем же мотивом в «фантастическом рассказе» «Сон смешного человека»).

Ключевые слова: Достоевский, «Дневник писателя», автор, читатель, рецепция, смеховое начало, комическое, мотив ожидания насмешки аудитории, Бахтин, диалогизм, полифония, публицистика.

The article is devoted to the problem of the Author and his reader in F. Dostoevsky's "Diary of a Writer" and the element of the ridiculous in this connection. The motif of an "ideal reader", making a "laughing-stock" of an author is rather typical for the Diary. It is similar to the narrator's attitude to the audience in "The Dream of a Ridiculous Man" and Dostoevsky's other works. The functions of this motif are also considered in the article.

Key words: Dostoevsky, 'Diary of a Writer', author, narrator, reader, dialogism, reception, polyphony, Bakhtin, receptive aesthetics, the ridiculous, "A Dream of the Ridiculous Man".

Различные аспекты смеха в произведениях Ф.М. Достоевского не раз привлекали внимание исследователей (А. Кунильский¹, С. Нельс², Л. Розенблюм³, М. Спивак⁴, Roger L. Cox⁵ и т.д.). В ряду работ, посвященных этой теме, стоит выделить классическую книгу М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского», где ученый относит многие художественные тексты писателя к особому роду мениппей-

¹ Кунильский А. Смех Достоевского: прав ли Бахтин? // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 4. С. 148–154; Он же. Смех в мире Достоевского: Учебное пособие. Петрозаводск, 1994.

² Нельс С. «Комический мученик» (К вопросу о значении образа приживальщика и шута в творчестве Достоевского) // Рус. лит. 1972. № 1. С. 125–133.

³ Розенблюм Л. Юмор Достоевского // Вопр. лит. 1999. № 1. С. 141–189.

⁴ Спивак М. Место и функция смеха в творчестве Достоевского // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1986. № 5. С. 70–77.

⁵ Cox R.L. Dostoevsky and the ridiculous // Dostoevsky studies 1 (1981): 103–109. P. 103 [Электронный ресурс]: <http://www.utoronto.ca/tsq/DS/01/103.shtml>

ной литературы, специфическому «серьезно-смеховому жанру»⁶. Однако, рассматривая «смешную» сторону текстов Достоевского, исследователи часто проходят мимо того, чтобы понять, как сам писатель понимает «смешное», какое значение придает такой реакции читателя на свои произведения. Хотелось ли ему, чтобы читатели действительно смеялись над его текстами? Если да, то что «обозначала» для Достоевского такая реакция?

На наш взгляд, такое невнимание исследователей к этой стороне «смехового начала» объясняется тем, что до сих пор его изучали почти исключительно в художественной прозе писателя, где расчет на читательскую реакцию выражен менее явно, далеко не во всех случаях. В то же время для прояснения этого вопроса более показательной нам представляется публицистика Достоевского и, в частности «Дневник писателя» (1873, 1876–1877, 1880, 1881), поскольку именно в публицистике те или иные приемы воздействия на аудиторию проявляются более отчетливо в связи с самой ее спецификой и становятся предметом эксплицитной рефлексии. И действительно, в своем «Дневнике» Достоевский не раз прямо предсказывает смех читателей как реакцию на свои утверждения, на определенные фрагменты текста⁷. Для «Дневника» очень характерны высказывания типа: «Вы смеетесь, вы несогласны, пусть...» (23, 98⁸); «...какая насмешливая улыбка явилась бы у какого-нибудь австрийца или англичанина, если б он имел возможность прочесть все эти вышеписанные *мечтания*...» (25, 48); «Да что же тут нового? (Засмеются)» (Подготовительные материалы; 27, 75) и т.п.

Однако, когда писатель говорит о том, что что-то из того, о чем он пишет, будет читателю смешно, это не означает, что смешно «на самом деле», объективно смешно. Скорее, наоборот. Такие предположения Достоевский делает, как правило, в те моменты, когда он сам наиболее «серьезен» и «искренен»:

Пусть не смеются над мной заранее, что я считаю ошибки ума слишком легкими и быстро изгладимыми. И уж смешнее всего было бы, даже кому бы то ни было, а не то что мне, принять на себя в этом случае роль изглаживателя, твердо и спокойно уверенного, что словами проймешь и перевернешь убеждения данной минуты в обществе. Я это всё сознаю. Тем не менее стыдиться своих убеждений

⁶ См. гл. «Жанровые и сюжетно-композиционные особенности произведений Достоевского» (Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979. С. 116).

⁷ По замечанию Бахтина, «у Достоевского почти нет слова без напряженной оглядки на чужое слово» (Бахтин М. Указ соч. С. 236), и для писателя в целом характерны «скрытая и открытая полемика с читателем... оговорки, многоточия... внедрение предвосхищаемых реплик... диалогизация всех отношений к себе самому и к другому» (там же. С. 287).

⁸ Произведения Достоевского цит. по: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990. При цитировании вначале следует указание тома, затем страницы.

нельзя, а теперь и не надо, и кто имеет сказать слово, тот пусть говорит, *не боясь, что его не послушают, не боясь даже и того, что над ним насмеются и что он не произведет никакого впечатления на ум своих современников* (25, 5; курсив мой. – Ф.Е.).

Кажется, что эти предположения не означают указания на действительно желательную в этом месте текста читательскую реакцию, хотя зачастую выглядят таковыми. Было бы неправильно, однако, утверждать и противоположное: что при помощи такого упоминания автор предупреждает читателя, чтобы тот не смеялся. Безусловно, в позиции автора/рассказчика, подверженного насмешкам со стороны публики, можно видеть влияние распространенного мотива романтической литературы – пророк, который противопоставлен толпе. «Чернь» в такой системе представлений, как правило, осмеивает героя, который «видел истину» (25, 118)⁹. В связи с этим ожидание насмешки становится намеком: быть может, автор знает или предполагает то, что пока «скрыто» от «нас»¹⁰: «Вы смеетесь? Блаженны смеющиеся. Дай Бог вам веку, сами увидите. Удивитесь тогда» (26, 168). Однако дело этим не исчерпывается.

Функции таких метаописаний текстов, как смешных, и указаний на возможную смеховую реакцию читателей более сложные.

Прежде всего, поскольку автор в «Дневнике» предсказывает «смех» публики обычно в случаях, когда он сам особенно серьезен, такое упоминание создает эффект неожиданности – иллюзию «внезапного» диалога с публикой. Если читатель – потенциальный «оппонент», то одной из его возможных реакций становится удивление и дополнительный интерес к тексту в связи с тем, что его мнение «угадано» автором.

Кроме того, сама эмоциональная реакция, которую автор стремится вызвать тем самым у читателя, более сложна и строится именно на некотором неразрешимом противоречии между серьезным и комическим¹¹. В одной из статей издания (март 1877 г.), где описывается

⁹ В частности, читаем в Подготовительных материалах к номеру за июль-август 1877 г. по поводу того, как Европа может воспринять роман «Анна Каренина»: «Пусть смеются и бросают камни, но зато мы первые об этом пророчествовали, и это останется за нами» (25, 248).

¹⁰ См. об этом также: Назиров Р. Фабула о мудрости безумца в русской литературе // Русская литература 1870-1890 годов. Вып. 13. Свердловск, 1980. С. 94–70.

¹¹ Л. Розенблюм в связи с этим говорит о стремлении Достоевского «открыто соединять трагическое и комическое» (Розенблюм Л. Указ. соч. С. 155). По замечанию R.L. Cox, «nearly always in his fiction the ridiculous appears in combination with other elements; and its effect is therefore often muted» («Почти всегда в прозе [Достоевского] комическое смешано с другими элементами, и его эффект таким образом приглушается»). См.: Cox R.L. Op. cit. P. 103. [Электронный ресурс]: <http://www.utoronto.ca/tsq/DS/01/103.shtml>

«идеальная, невозможная, смрадная нищета бедной еврейской хаты» (25, 91), на первый взгляд совершенно неожиданным оказывается авторское отступление: «...Тут можно бы много даже юмору выразить и ужасно кстати: юмор ведь есть остроумие глубокого чувства, и мне очень нравится это определение. С тонким чувством и умом можно много взять художнику в одной уже перетасовке ролей всех этих нищих предметов и домашней утвари в бедной хате, и этой забавной перетасовкой сразу оцарапать вам сердце» (25, 91). Здесь «юмор», «забавное» означает «вызывающее мгновенную ответную реакцию». Очевидно, контексты, в которых упоминается потенциальный «смех» аудитории в «Дневнике», тоже осознаются автором как своего рода *провокация* читателя, очередная попытка «оцарапать вам сердце».

В связи с этим однозначного читательского решения, как воспринимать речь автора («в шутку» или «всерьез»), в «Дневнике» нет, и не может быть. Ведь повседневная реальность, что автор неоднократно подчеркивает, находится в постоянном становлении:

...осмелюсь напомнить читателям «Дневника» мой летний май-июньский выпуск. Почти всё, что я написал в нем о ближайшем будущем Европы, теперь уже подтвердилось или начинает подтверждаться. И, однако <...> я уверен, очень многие найдут и теперь мои объяснения этих фактов опять-таки ложными и *смешными*, фантастическими и преувеличенными... (26, 21; курсив мой. – Ф.Е.).

Фрагменты, в которых возникает мотив «насмешки» реципиента, выглядят на первый взгляд специфически именно для этого уникального публицистического жанра. Однако стоит предположить, что такое отношение к смеху и смешному (как читательской реакции и качеству самого описания) можно увидеть и в художественной прозе Достоевского. Примером этому служит такой «переходный» текст, как «Сон смешного человека» (опубликован в апреле 1877 г. в качестве одной из частей «Дневника»).

Характерно, что в речи главного героя этого произведения возникает тот же мотив предвосхищения насмешки со стороны слушателей¹²:

Я смешной человек. Они меня называют теперь сумасшедшим. Это было бы повышение в чине, если б я всё еще не оставался для них таким же смешным, как и прежде. Но теперь уж я не сержусь, теперь они все мне милы, и даже когда *они смеются надо мной* – и тогда чем-то даже особенно милы. Я бы сам смеялся

¹² По мнению М. Бахтина, точка зрения рассказчика в «Сне...» – это «типичная позиция мениппейного мудреца... носителя истины, по отношению ко всем остальным людям, считающим истину безумием или глупостью» (Бахтин М. Указ. соч. С. 175). Во многом, это можно отнести и к отношениям автора с читателем в «Дневнике» там, где автор упоминает о «смехе» аудитории.

с ними, – не то что над собой, а их любя, если б мне не было так грустно, на них глядя. Грустно потому, что они не знают истины, а я знаю истину. Ох, как тяжело одному знать истину! Но они этого не поймут. Нет, не поймут (Апрель, 1877, 25, 104; курсив мой. – Ф.Е.).

Очевидно, что реакция читателей в таких случаях должна быть столь же сложна, как и реакция на речь реально существующего автора «Дневника писателя». В этом смысле различие между вымышленным повествователем, рассказчиком, «исповедующимся» персонажем и речью автора-публициста несущественно. Ведь в «Дневнике» сами искренность и серьезность, рискующие стать объектом осмеяния, оказываются «приемом»¹³, не являясь искренностью как таковой.

Стоит вспомнить и «смешных людей» из других произведений Достоевского, начиная с Ползункова из одноименного рассказа (1847) и заканчивая – с определенными оговорками – Ставрогиным в романе «Бесы» (1872), который не хочет обнародовать свою исповедь из страха быть осмеянным. Мы можем предположить наличие той же концепции смешного и серьезного в этих текстах (но это предмет развернутого разговора) – концепции, которая включает сложный и внезапно возникающий диалог с читателем, призванный «оцарапать его сердце».

Список литературы

- Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990.
Кабакова Е. Юродивые и «юродствующие» в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. 2. Филология. 1997. № 1.
Кантор В. «Дневник писателя» Достоевского как провокация имперского кризиса в России // Вопр. литературы. 2007. № 1.
Кунильский А.Е. Смех Достоевского: прав ли Бахтин? // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 4.
Кунильский А.Е. Смех в мире Достоевского: Учебное пособие. Петрозаводск, 1994.
Мартакова Т. Антропология смеха в произведениях Достоевского (1846–1859 годы): (К вопросу о «смеховом портрете») [Электронный ресурс]: <http://www.lib.csu.ru/vch/093/88.pdf>
Назирова Р. Фабула о мудрости безумца в русской литературе // Рус. литература 1870–1890 годов. Вып. 13. Свердловск, 1980.

¹³ Заметим, что автору «Дневника», как и персонажам многих художественных произведений Достоевского, в отношении к аудитории зачастую присущи черты юродствующего речевого поведения. См., в частности: Кабакова Е. Юродивые и «юродствующие» в романе Ф.М. Достоевского «Бесы» // Вестн. Челяб. гос. ун-та. Сер. 2. Филология. 1997. № 1. С. 92–102.

- Нельс С.* «Комический мученик» (К вопросу о значении образа приживальщика и шута в творчестве Достоевского) // Рус. литература. 1972. № 2.
- Розенблюм Л.* Юмор Достоевского // Вопр. лит. 1999. № 1.
- Спивак М.* Место и функция смеха в творчестве Достоевского // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1986. № 5.
- Cox R.L.* Dostoevsky and the ridiculous // Dostoevsky studies 1 (1981): 103–109. P. 103 [Электронный ресурс]: <http://www.utoronto.ca/tsq/DS/01/103.shtml>
- Morson G.S.* The Boundaries of Genre: Dostoevsky's 'Diary of a Writer' and the Traditions of Literary Utopia. Austin, 1981.

Сведения об авторе: *Ермошин Федор Андреевич*, аспирант кафедры истории русской литературы филол. ф-та МГУ имени М.В. Ломоносова. E-mail: fermoshin@mail.ru